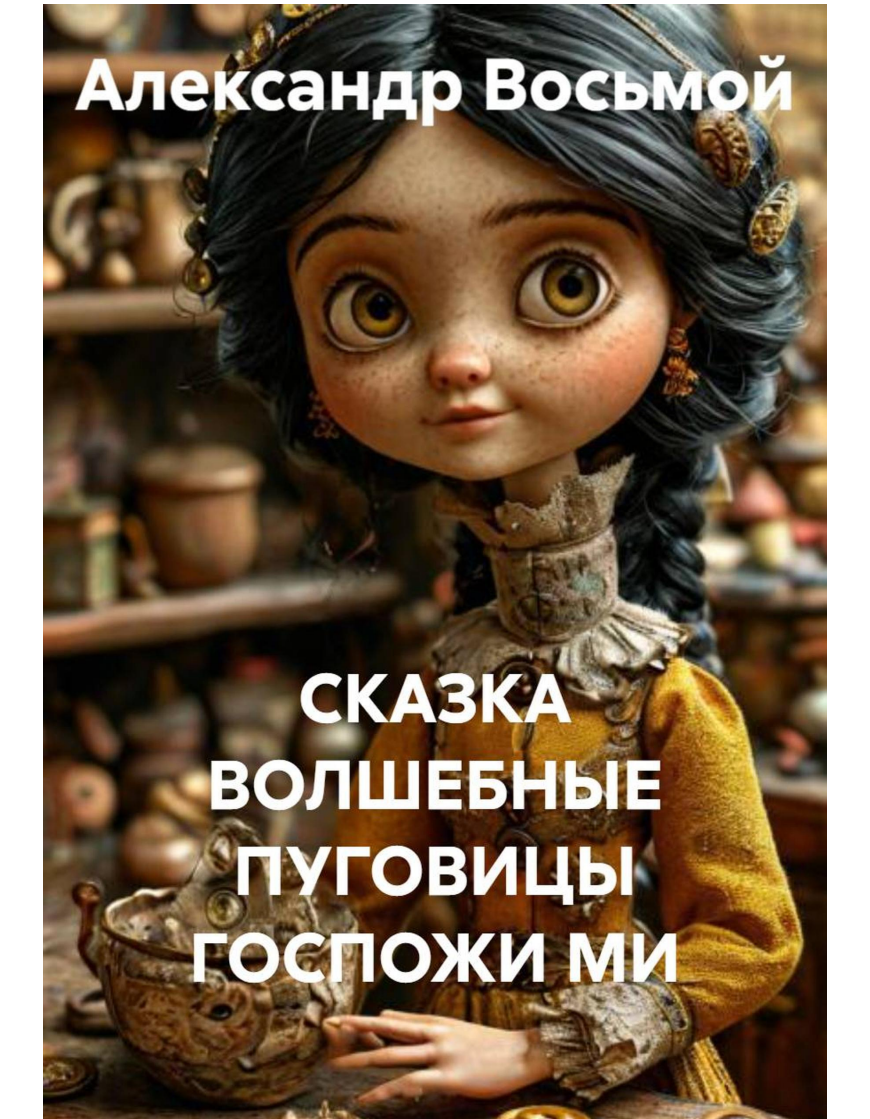

Александр Восьмой

**СКАЗКА
ВОЛШЕБНЫЕ
ПУГОВИЦЫ
ГОСПОЖИ МИ**

Александр Восьмой
СКАЗКА ВОЛШЕБНЫЕ
ПУГОВИЦЫ ГОСПОЖИ МИ

<https://litres.ru/74016354>

SelfPub; 2026

Аннотация

Госпожа Ми не просто мастерица — она хранительница волшебных пуговиц, каждая из которых помнит чьи то радости и печали, хранит отголоски давних событий и порой подсказывает путь тем, кто умеет слушать. Когда в её лавку приходит девочка с грустными глазами, госпожа Ми дарит ей особенную пуговицу — и начинается удивительное путешествие сквозь воспоминания и мечты. Вместе с героиней читатель узнает, что пуговицы могут соединять сердца, возвращать утраченное и напоминать о самом важном. «Волшебные пуговицы госпожи Ми» — добрая сказка о памяти, заботе и маленьких чудесах, которые живут рядом с нами.

Александр Восьмой

СКАЗКА ВОЛШЕБНЫЕ

ПУГОВИЦЫ

ГОСПОЖИ МИ

Глава 1. Лавка, где живёт тишина

Старый город дремал под тёплым осенним солнцем. Улицы, вымощенные булыжником, будто хранили в себе эхо шагов всех, кто когда-либо по ним проходил. Дома стояли плечом к плечу, как старые друзья, привыкшие к молчанию друг друга. А в самом тихом уголке, там, где переулок сужался до узкой щели между двумя серыми зданиями, пряталась лавка госпожи Ми.

Её не сразу заметишь. Над входом висела деревянная вывеска, потемневшая от дождей и времени: «Пуговицы. Для тех, кто помнит». Буквы были выведены тонкой, изящной вязью, будто кто-то очень бережно выводил каждую линию, боясь спугнуть слово. Дверь была невысокой — такой, что даже невысокий взрослый чуть наклонял голову, входя внутрь. Ручка отливала тусклым серебром и на ощупь казалась тёплой, словно её только что согрели чьи-то ладони.

Лия шла по переулку медленно, будто ноги сами искали это место, хотя она никогда здесь не бывала. Её плечи были

опущены, а в глазах застыла такая глубокая грусть, что даже воробьи, прыгавшие по мостовой, на мгновение замолкали, когда она проходила мимо. Девочка не знала, куда идёт, — просто ей казалось, что если она будет идти достаточно долго, то найдёт то, что потеряла. Только вот что именно она потеряла, Лия вспомнить не могла. В груди у неё жила холодная пустота, похожая на забытый сквозняк, который гуляет по пустым комнатам.

Когда Лия увидела вывеску, её сердце дрогнуло — будто что-то внутри отозвалось на эти простые слова: «Для тех, кто помнит». Она остановилась, посмотрела на дверь, потом на свои руки, сжатые в кулачки, и тихо вздохнула. Потом подняла руку и осторожно потянула за серебряную ручку.

Дверь открылась без скрипа — словно давно ждала этого прикосновения.

Внутри было темно и тихо. Но эта тишина не пугала, а, наоборот, обнимала, как мягкое одеяло. Воздух пах ванилью, старой бумагой, древесиной и чем-то ещё — неуловимым, похожим на запах далёких воспоминаний. Лия сделала шаг внутрь, и пол тихонько скрипнул под ногой, будто приветствуя гостью.

Полки тянулись от пола до потолка, и на каждой из них стояли коробки — маленькие, большие, деревянные, жестяные, обтянутые бархатом и перевязанные лентами. И в каждой лежали пуговицы. Тысячи пуговиц. Круглые и овальные, квадратные и в форме звёздочек, из перламутра, дерева,

стекла, металла, покрытые эмалью и украшенные крошечными узорами. Некоторые были такими старыми, что металл на них потемнел, а узоры едва угадывались. Другие сверкали, как маленькие солнца.

В глубине лавки, за прилавком из тёмного дерева, сидела госпожа Ми. Она была невысокой, с седыми волосами, собранными в аккуратный пучок, и глазами, в которых, казалось, отражались все истории мира. На ней было простое платье в мелкий цветочек, а на шее висела тонкая цепочка с маленькой пуговицей из голубого стекла. Госпожа Ми что-то тихо напевала себе под нос, аккуратно раскладывая пуговицы по коробочкам. Она не подняла головы сразу, но Лия почувствовала, что мастерица знает о её присутствии — так же, как знаешь, что в комнате кто-то есть, даже если не видишь его.

Лия стояла у порога, не решаясь пройти дальше. Ей казалось, что она может нарушить эту хрупкую тишину одним неловким движением. Но госпожа Ми вдруг подняла глаза, улыбнулась — не широко, а так, будто улыбка была чем-то очень личным и драгоценным — и тихо сказала:

— Входи, дитя. Здесь не кусаются даже нитки.

Лия робко шагнула вперёд. Её ботинки тихо стучали по деревянному полу. Она подошла к прилавку и остановилась, глядя на госпожу Ми. В горле стоял комок, и девочка не знала, как рассказать о своей пустоте — о том, что она забыла что-то важное, а теперь не может вспомнить, что именно.

Госпожа Ми внимательно посмотрела на Лию. Её взгляд был таким тёплым и внимательным, что Лие вдруг захотелось заплакать — но не от горя, а от того, что кто-то наконец её увидел.

— Ты пришла не просто так, — проговорила госпожа Ми мягко. — Я вижу это по твоим глазам. В них живёт грусть, которая тяжелее любого камня. Расскажи мне, что случилось?

Лия покачала головой. Слезинки дрожали на ресницах, но не падали.

— Я... я не знаю, — прошептала она. — Мне кажется, я что-то потеряла. Но я не помню, что именно. И теперь мне так холодно внутри... будто я забыла самое важное.

Госпожа Ми кивнула, словно это было самое обычное дело — приходить в лавку и жаловаться на забытое воспоминание. Она встала, обошла прилавок и подошла к одной из полок. Её пальцы легко скользили по коробкам, будто она разговаривала с ними на каком-то своём, безмолвном языке. Наконец, она остановилась у маленькой коробочки, обтянутой серебристой тканью, и достала оттуда пуговицу.

Она была серебристой, почти прозрачной, как лунный свет. По её поверхности вились крошечные завитки, похожие на застывшие слезинки или завихрения ветра. Пуговица не сверкала ярко, но в ней мерцал мягкий, приглушённый свет, будто внутри пряталось маленькое звёздное небо.

Госпожа Ми протянула пуговицу Лие.

— Возьми её, — тихо сказала она. — Эта пуговица помнит то, что ты потеряла. Не всё сразу, конечно. Воспоминания возвращаются не как гром, а как тихий дождь — по капле. Но она поможет тебе услышать то, что спряталось в тишине.

Лия нерешительно протянула руку. Её пальцы дрожали. Она коснулась пуговицы — и та оказалась тёплой, хотя только что лежала в прохладной коробке. Девочка сомкнула ладонь вокруг неё, и в тот же миг мир вокруг едва заметно дрогнул.

Это было похоже на то, как если бы кто-то тихонько встряхнул волшебную бутылку с водой, и пузырьки воздуха медленно поплыли вверх. Лия почувствовала, как холод в груди стал чуть меньше — не исчез, но отступил, как тень отступает перед лучом света.

— Спасибо, — прошептала Лия, глядя на госпожу Ми. — А... а что мне теперь делать?

Госпожа Ми снова улыбнулась — на этот раз чуть шире.

— Теперь слушай, — сказала она. — Слушай пуговицу, слушай себя, слушай тишину. Иногда самое важное звучит тише всего. И помни: ты не обязана вспоминать всё сразу. Главное — не переставать искать.

Лия кивнула. Она всё ещё сжимала пуговицу в ладони, чувствуя, как её тепло медленно растекается по руке, по плечу, по всей груди. Пустота не исчезла, но теперь она была не такой холодной. Теперь в ней жила надежда.

— Если тебе понадобится помощь, — добавила госпожа Ми, возвращаясь за прилавок, — ты всегда можешь вернуться сюда. Моя лавка открыта для тех, кто ищет потерянное. Даже если это просто забытая улыбка.

Лия ещё раз посмотрела на мастерицу, на полки с пуговицами, на мягкий свет, льющийся из маленького окошка под потолком. Ей вдруг показалось, что она наконец нашла то место, где можно не бояться своей грусти. Где её примут такой, какая она есть.

Девочка тихо поблагодарила госпожу Ми и повернулась к двери. Когда она выходила, колокольчик над входом тихо звякнул — не громко, а так, словно шепнул ей на прощание: «Ты не одна. Ты обязательно вспомнишь».

И Лия вышла на улицу, сжимая в кулачке серебристую пуговицу, и впервые за долгое время ей показалось, что впереди её ждёт не пустота, а дорога — та самая, по которой стоит идти.

Глава 2. Дырочка, в которую можно заглянуть

Дома было тихо. Мама ушла в магазин, папа сидел в соседней комнате и что-то печатал на ноутбуке — изредка до Лии доносился тихий стук клавиш, похожий на осторожные шаги по паркету. В комнате девочки пахло яблоками — на подоконнике в миске лежали три румяных плода, и от них веяло чем-то спокойным, привычным. Но эта привычность сейчас не согревала. Пустота в груди всё ещё жила там, хоть

и стала чуть тише после встречи с госпожой Ми.

Лия села на кровать, положила перед собой серебристую пуговицу и долго смотрела на неё. Пуговица лежала на ладони, будто маленькая луна, и в её завитках прятались крошечные отблески света. Лия осторожно повернула её, разглядывая со всех сторон. Металл был тёплым, словно пуговица успела привыкнуть к её руке.

И вдруг девочка заметила кое-что странное.

Одна из дырочек — не такая, как остальные. Сквозь неё не было видно ни ткани, ни комнаты, ни даже темноты. Вместо этого там, за крошечным отверстием, мерцал кусочек сада: нежные лиловые цветы, будто собранные из шёлка, старая яблоня с изогнутыми ветвями и деревянная скамейка под ней, потемневшая от дождей и времени.

Лия замерла. Сердце забилося быстрее, как будто хотело выскочить и первым заглянуть в эту дырочку. Девочка медленно поднесла пуговицу к глазу, прижалась к отверстию и...

Мир вокруг дрогнул.

Это было похоже на то, как если бы кто-то резко встряхнул прозрачную банку с водой, и все предметы внутри на мгновение поплыли, теряя очертания. Лию подхватил лёгкий вихрь — не холодный и злой, а тёплый, пахнущий мёдом и травой. Он закружил её, приподнял над полом, и вдруг всё стихло.

Она стояла в том самом саду.

Воздух здесь был густым от ароматов: пахло лавандой, яб-

локами, влажной землёй и чем-то ещё — неуловимым, похожим на запах забытого счастья. Лиловые цветы покачивались, хотя ветра не было. Их лепестки шевелились, будто шептали друг другу какие-то тайны. Яблоня склоняла ветви, и с них тихо падали листья, кружась в медленном танце. Скамейка под деревом манила присесть, но Лия боялась пошевелиться — ей казалось, что любое движение может разрушить это волшебство.

Девочка огляделась. Сад был не таким, как обычные сады. Здесь время будто текло иначе: оно не спешило вперёд, не отсчитывало минуты, а лежало вокруг, как мягкое одеяло. Лия заметила, что тени от деревьев не двигались, а оставались на месте, даже когда солнце, казалось, чуть сдвигалось по небу. И ещё — каждый лепесток, каждый листок, каждая травинка словно хранила в себе чей-то тихий голос.

Лия подошла к яблоне и коснулась её коры. Та была шершавой, тёплой и... живой. Ей показалось, что дерево чуть дрогнуло под её ладонью, будто узнало её. И в этот момент из-под коры, едва слышно, донёсся шёпот:

«Я помню...»

Лия вздрогнула.

— Кто это сказал? — тихо спросила она, оглядываясь.

Но сад не ответил. Только цветы продолжали шептаться, и их шёпот складывался в обрывки фраз: «...смех на крыльце...», «...забыла варезку...», «...прости меня...». Это были не слова, обращённые к ней, а отголоски чьих-то воспо-

минаний, застывших в этом месте.

Лия снова посмотрела на пуговицу, которую всё ещё сжимала в руке. Теперь она поняла: это не просто пуговица. Это дверь. Маленькая, аккуратная, с четырьмя дырочками, одна из которых ведёт в сад воспоминаний. Но куда именно она ведёт? И самое главное — как вернуться домой?

Девочка прижала пуговицу к груди, словно та могла подсказать ей ответ. И вдруг ей вспомнились слова госпожи Ми: «Она помнит то, что ты потеряла». Может быть, этот сад — место, где хранятся забытые вещи? Или забытые чувства? А может, здесь прячется то самое воспоминание, которое Лия никак не может поймать?

Решив не терять ни минуты, Лия направилась к скамейке. На её спинке лежала маленькая деревянная пуговица, потемневшая от времени. Девочка осторожно подняла её. Пуговица была холодной, но в ней чувствовалась какая-то тихая сила. Лия положила её рядом с серебристой и вдруг услышала новый шёпот — на этот раз не из сада, а изнутри себя.

«Ты не одна...»

Это были не её слова. Но они отозвались в сердце так, будто всегда там жили.

Лия огляделась, пытаясь найти хоть какой-то знак, подсказку, дорожку, которая выведет её обратно. Но сад казался бесконечным: куда бы она ни шла, впереди всё равно тянулись ряды яблонь, клумбы с лиловыми цветами и скамейки, будто повторяющие друг друга, как отражения в зеркале.

Тогда девочка вспомнила ещё кое-что: когда она смотрела в дырочку, мир закружился. Может быть, чтобы вернуться, нужно сделать то же самое?

Лия крепко зажмурилась, прижала серебристую пуговицу к глазу и представила свою комнату: яблоки на подоконнике, мягкий плед на кровати, тихий стук клавиш из соседней комнаты. Она мысленно потянулась к этому образу, словно он был ниточкой, за которую можно ухватиться.

И снова мир дрогнул. Вихрь подхватил её, закружил, и на мгновение всё потемнело. А потом...

Лия открыла глаза и увидела свою комнату. Она сидела на кровати, а в руке у неё по-прежнему были две пуговицы: серебристая и деревянная. За окном шелестел ветер, а из соседней комнаты доносился всё тот же тихий стук клавиш.

Девочка выдохнула. Её сердце колотилось, как пойманная птица, но на лице появилась улыбка — робкая, но настоящая.

Она сделала это. Она побывала в саду воспоминаний. И теперь знала: пуговица — это не просто вещь. Это ключ. И впереди её ждёт ещё много тайн, которые нужно разгадать.

Лия положила деревянную пуговицу на тумбочку, рядом с миской яблок, а серебристую осторожно приколотла к воротнику своей кофты. Теперь она чувствовала: что бы ни ждало её впереди, она не одна. Где-то там, в саду под старой яблоней, шепчут свои истории забытые мгновения. И они готовы рассказать их тому, кто умеет слушать.

Глава 3. Сад забытых имён

Лия снова стояла в саду под старой яблоней. На этот раз она не боялась: вихрь, что перенёс её сюда, был ласковым, как мамины объятия, а воздух пах так знакомо — будто в нём смешались все летние дни её детства. Девочка крепче сжала в руке серебристую пуговицу. Та тихонько пульсировала, словно у неё было своё собственное сердце.

Сад казался безмолвным, но стоило Лие прислушаться, и она поняла: тишина здесь не пустая. Она была наполнена шёпотом — таким тихим, что его можно было принять за дуновение ветра. Но это шептали воспоминания. Они цеплялись за лепестки, висели на ветках, как маленькие фонарики, и прятались в тени между клумбами.

Лия сделала несколько шагов и вдруг заметила движение за кустами лиловых цветов. Что-то шевельнулось, хрустнула веточка, и из-за густой зелени показался старик. Он был невысоким, сгорбленным, в потрёпанной соломенной шляпе, поля которой потемнели от дождей. В руках он держал маленькую медную лейку, а на плече висело полотенце в горошек. Старик замер, увидев Лию, и на его лице появилось выражение не испуга, а скорее удивления — будто он встретил кого-то, кого давно ждал, но уже перестал надеяться увидеть.

— А, вот и ты, — проговорил он тихо, будто продолжая давно начатый разговор. — Я думал, ты придёшь. Пуговицы

редко ошибаются.

Лия нерешительно шагнула вперёд.

— Вы... вы знаете меня?

Старик улыбнулся, и его глаза, серые, как утренний туман, потеплели.

— Не лично, дитя. Но я знаю тех, кто приходит сюда с пустотой в груди. Я — садовник этого сада.

Он подошёл ближе и аккуратно поставил лейку на землю.

— Этот сад принадлежит тем, кто потерял что-то дорогое. Не вещь, нет. Слово, которое не успел сказать. Обещание, которое не сдержал. Улыбку, которую не заметил. Здесь растут не просто цветы — здесь цветут воспоминания. Каждый лепесток впитывает чью-то историю, каждую каплю дождя здесь кто-то когда-то ждал.

Лия посмотрела на клумбу рядом с собой. Лиловые цветы слегка покачивались, и ей показалось, что в их изгибах прячется чей-то тихий смех.

— Я... я не помню, что потеряла, — тихо призналась девочка. — Только чувствую, что чего-то не хватает. Как будто из книжки вырвали страницу, и я всё время пытаюсь вспомнить, что там было написано.

Садовник кивнул, будто это было самое обычное дело — приходить в сад и жаловаться на вырванную страницу памяти.

— Так бывает чаще, чем ты думаешь, — сказал он мягко. — Иногда боль от потери такая сильная, что разум пря-

чет само воспоминание, чтобы не было так горько. Но сердце помнит. И пуговица помнит.

Он посмотрел на серебристую пуговицу в руке Лии.

— Эта пуговица — не просто ключ. Она — хранительница. И она будет подсказывать тебе путь. Прислушайся к ней. Когда ты окажешься рядом с отголоском своей потери, она начнёт светиться. Не ярко, не как фонарь. Так, как светится луна в облачную ночь — еле заметно, но достаточно, чтобы разглядеть дорогу.

Лия сжала пуговицу в ладони и закрыла глаза, стараясь услышать хоть какой-то намёк на то, что та хочет ей сказать. И вдруг...

Пуговица едва заметно дрогнула. А потом — совсем тихо, как дыхание, — начала мерцать. Свет был мягким, серебристым, и он тянулся в одну сторону — туда, где за густыми кустами жасмина темнела узкая тропинка.

Девочка открыла глаза и посмотрела в ту сторону. Тропинка казалась почти невидимой: её скрывали переплетения веток, длинные стебли трав и тени, которые здесь лежали плотнее, чем в других местах сада.

— Туда? — прошептала Лия, указывая на тропинку.

Садовник снова кивнул.

— Да. Там живут самые тихие воспоминания — те, что люди стараются не тревожить. Но именно они чаще всего и оказываются самыми важными. Иди осторожно. И не бойся: если станет слишком страшно, просто прижми пугови-

цу к сердцу и подумай о чём-то тёплом — о чашке какао, о мурлыканье кота, о маминых руках. Этого хватит, чтобы вернуться.

Лия глубоко вздохнула. Её пальцы слегка дрожали, но в груди уже не было той ледяной пустоты. Теперь там жило любопытство — и ещё что-то похожее на решимость.

— Спасибо, — сказала она садовнику.

Тот улыбнулся и слегка поклонился, будто провожал важную гостью.

— Удачи, Лия. И помни: даже самое забытое имя можно вспомнить, если идти по следу своего сердца.

Девочка ещё раз взглянула на старика, на его старую шляпу, на лейку у его ног, на цветы, что тихо шептались вокруг. Потом повернулась к тропинке и сделала первый шаг.

Кусты жасмина сомкнулись за её спиной, но не закрыли путь полностью. Их белые цветы пахли так сладко, что на мгновение Лие показалось, будто она чувствует запах маминого шарфа — того самого, который та надевала каждую осень. Это воспоминание было таким лёгким, почти невесомым, но оно согрело её изнутри, как маленький огонёк.

Тропинка вела всё дальше, и с каждым шагом мерцание пуговицы становилось чуть ярче. Тени здесь были гуще, но Лия уже не боялась их. Она знала: в этих тенях не прячется зло. В них живут забытые мгновения, которые ждут, когда их заметят.

И вдруг впереди, за поворотом тропинки, мелькнул сла-

бый свет — не такой, как у пуговицы, а золотистый, похожий на отблеск заката на воде. Лия остановилась, прислушалась. И слышала тихий голос — не слова, а интонацию, знакомую до слёз. Кто-то звал её. Или... она сама звала кого-то?

Пуговица в её руке засветилась чуть сильнее, как будто говорила: «Ближе. Ещё немного».

Лия шагнула вперёд, и тропинка вывела её на маленькую полянку. Здесь, среди высокой травы, стояла старая кованая скамейка, а рядом с ней — маленький столик, на котором лежала раскрытая тетрадь. Страницы её были пустыми, но по краям виднелись лёгкие следы чернил — будто кто-то начинал писать и не закончил.

А на спинке скамейки висела нитка с пуговицами — простыми, деревянными, ничем не примечательными. Но когда Лия подошла ближе, одна из них — маленькая, с крошечной трещиной посередине — тихо звякнула, словно поздоровалась.

Девочка осторожно коснулась её. И в тот же миг в её голове вспыхнул обрывок воспоминания: она сидит на такой же скамейке, рядом кто-то тихо напевает, а она старательно выводит буквы в тетради... но не может вспомнить ни слов песни, ни лица того, кто пел.

Пустота в груди шевельнулась — но теперь она была не холодной. Она стала похожа на ожидание. Как будто самое важное воспоминание было совсем рядом, и нужно было только протянуть руку, чтобы снова его обнять.

Лия улыбнулась сквозь слёзы. Она не вспомнила всё. Но она нашла первый след. И теперь знала: путь только начинается.

Глава 4. Пуговица, которая поёт

Тропинка петляла между высокими кустами, будто нарочно прятала от Лии то, что ждало впереди. Тени ложились на землю плотными лоскутами, и в них, казалось, шевелились не просто отблески света, а чьи-то застывшие движения — будто кто-то только что прошёл здесь и растворился в воздухе. Лия шла медленно, прислушиваясь не только к шорохам сада, но и к тому, как тихо пульсирует в её руке серебристая пуговица. Она больше не мерцала ярко, но в её свете чувствовалась уверенность — как будто она знала, куда ведёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.